

Тони Эбботт
Запретный камень
Серия «Наследие Коперника», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8379381
Наследие Коперника. Запретный камень / Тони Эбботт: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-086384-6

Аннотация

Когда Вейд Каплан получает зашифрованное письмо от своего покойного дядюшки Генри, он и представить себе не может, чем это обернется для него. Для того чтобы разгадать код, Вейд и его друзья отправляются в Германию. Но там их уже ждут те, кто мог быть причастен к таинственной гибели дяди Генри...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	7
Глава третья	12
Глава четвертая	17
Глава пятая	20
Глава шестая	24
Глава седьмая	27
Глава восьмая	30
Глава девятая	32
Глава десятая	34
Глава одиннадцатая	38
Глава двенадцатая	41
Глава тринадцатая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Тони Эбботт

Запретный камень

Моей семье – искателям приключений.

Глава первая

*Остин, Техас
8 марта 23:47*

Каким образом, почему и когда именно загорелась в его сне его бесценная звездная карта, Вейд Каплан не знал, но едва серебристо-чернильные завитушки букв и скрупулезно вырисованные созвездия охватило пламя, он проснулся, как от выстрела над головой.

– Нет!!

В комнате царила кромешная мгла. Никакого огня.

Зная, что дверь в комнату его сводного брата Даррела открыта, он повернул голову в сторону дверного проема. Ладно, все хорошо. Их первый официальный день каникул прошел в полнейшей суматохе: они носились туда-сюда, только и успевая в последнюю секунду выполнить то или сё, чтобы их мама Сара смогла как следует подготовиться к командировке в Южную Америку. Ее самолет улетал рано утром, и, несмотря на всю заполошность минувшего дня, они пообещали ей встать до рассвета и проводить ее как полагается.

И все-таки...

Вейд откинул одеяло, подошел к окну и тихонько поднял жалюзи.

Ночь выдалась почти совсем безлунная, и звезды густыми брызгами усеивали черный бархат неба. Их дом на холме в нескольких милях от городских огней Остина обычно гарантировал им «живое» ночное небо, и сегодняшняя ночь, слава богу, не была исключением.

Он повернулся к столу, открыл верхний ящик и достал кожаную папку размером с большую книгу. Папка эта не только не сгорела, но приятно холодила пальцы, и он вдруг осознал, что не брал ее в руки уже много недель. Развязав шнурки, он раскрыл ее и извлек свернутый вчетверо лист плотного пергамента. Как и всегда, когда он разворачивал эту карту, по его коже побежали мурашки. Это был подарок Вейду на семилетие от друга отца – человека, которого он привык называть «дядя Генри». Оттиснутая и раскрашенная вручную в начале

XVI века, карта эта являла собою шедевр как искусства, так и научной мысли одновременно, и он ценил ее, как самое настоящее сокровище.

С чего же ему вдруг приснилось, что она уничтожена?

Вейд повернул карту так, чтобы ее рисунок совпадал с расположением звезд в ночном небе за окном. А затем, словно всего лишь желая заставить его глянуть вверх, по темному небу, разбрасывая искры, медленно проплыл метеорит.

– Даррел, смотри! – воскликнул он машинально и застыл в ожидании очередной вспышки света, точно зная, что метеориты никогда не появляются в небе, когда их ждешь. Прошла долгая минута. Нет. Представление закончилось. Он пробежался пальцами по карте. – Аккурат между Драконом и Лебедем...

– Кто там? Плохие пацаны из «Гарри Поттера»?

Вейд резко развернулся:

– Даррел! Ты это видел?

Его сводный брат пошатнулся и потер глаза.

– Небо, что ли? Ага. Еще вчера... Сколько времени? Что, уже конец света? Сначала второй вопрос.

Вейд рассмеялся:

– Где-то полночь. А я только что видел метеорит. Они вообще-то падают гораздо чаще, чем мы думаем.

– А мы все стоим, как дураки, и пялимся в твоё окно. А маме уезжать через пару часов, ты забыл?

– Знаю. Прости.

Еще когда Вейд под стол пешком ходил, он знал, что звезды – это шары из горящего газа, которые производят бешеное количество энергии за сотни миллионов миль от Земли. С первого же класса школы научные знания стали его фишкой, его силой. Но звезды – в небе над Техасом, да и где угодно – всегда значили для него нечто большее, чем просто разбросанные в случайном порядке крупинки, светящиеся в темноте.

– Смотри, Даррел, – сказал Вейд, показывая сначала на карту, а затем на небо. – Это Цефей. Видишь – такая коробочка с треугольной шапкой наверху? А это – одна из ног Пегаса... Звезды – ну, я не знаю – это вроде как послания: оттуда, издалека – прямо к нам сюда. Если б только мы научились их расшифровывать, представляешь?

Даррел сощурился:

– На самом деле я ничего такого не вижу, но я тебе верю. Как велит мне кодекс сводного брата. А еще я верю в то, что я сейчас сдохну, если не засну...

И он поплелся обратно в свою комнату.

– Дядя Генри мне как-то написал: «Небо – это место, где математика и магия сливаются воедино», – сказал Вейд ему вдогонку. – Разве это не круто?

– А я сейчас сольюсь воедино со своей кроватью, – отозвался Даррел на ходу.

– Завтра сходим в обсерваторию, – добавил Вейд. – Ты просто должен ее увидеть...

– Это будет завтра. А пока я уже сплю! – сказал Даррел. И, дойдя до двери, обернулся. – Но если серьезно – ты прав. Это очень круто.

В три прыжка он добрался до кровати, свалился в нее и нарочито громко захрапел, но очень скоро утих и заснул как младенец.

Вейд подождал еще с минуту, затем опустил жалюзи. Свернул карту, убрал в папку и спрятал обратно в стол. Место, где сливаются математика и магия... Вейд тоже чувствовал это. Так же, как он ощущал биение своего сердца. Испокон веков люди считывали с неба целые истории, находя в загадочных расположениях звезд свое прошлое, настоящее и будущее. Он подумал о пожилом добряке, подарившем ему эту бесценную карту шесть лет назад, и улыбнулся.

– Спасибо тебе еще раз, дядя Генри...

В постель он вернулся удивительно спокойным.

И даже представить себе не мог, что уже через несколько дней они с Дарреном начнут разделять свои жизни на два периода – до и после сегодняшней звездной ночи.

Глава вторая

*Фромборк, Польша
8 марта 15:47*

Ночь выдалась непривычно морозной для марта: холодные балтийские воды в это время года обычно дарили больше тепла.

Юная девушка – нет еще и двадцати – закуталась плотнее в пальто. Длинные темные волосы развевались на морском ветру. Чтобы унять дрожь, она глубоко вздохнула и подняла взгляд к кирпичной башне, чернеющей одиноким прямоугольником на фоне ночного неба. Что там за тусклое созвездие в форме перевернутой буквы «М»? Кассиопея, так ведь? Царица на троне?

Царица. Для нее это кое-что значит. Или скоро будет означать.

Она знала, что ей осталось уже недолго. У кромки соснового леса, метрах в десяти от нее, стоял заведенный лимузин, в котором молча сидели четверо мужчин. Ждали телефонного звонка. Звонка, которого она сама прождала столько лет. А что будет дальше? Дальше им придется преодолеть много миль до наступления утра. И это она тоже знала.

Но почему-то не могла тронуться с места.

Чем дольше она смотрела на башню, скользя взглядом своих пронзительных глаз по широкой гранитной балке над дубовой дверью, по узким деревянным мосткам, по ступенькам, которые вели вверх, к остроконечной крыше, уткнувшейся своим острием в самое небо, – тем дальше в прошлое ее уносило.

Все здесь было так же, как и пятьсот лет назад – той давней ночью, о которой она уже знала так много, присутствовала при этих событиях тогда. Снежная поземка кружилась и заметала порог. Сугробы, обычно белые и чистые, атели от сполохов охватившего башню огня.

– Пожар! Магистр! Пожар! Просыпайтесь!

Мальчишка, шестнадцатилетний подросток, чуть не кубарем скатывается по лестнице и несется к берегу за водой, размахивая пустыми ведрами.

Если верить легенде, мальчишку зовут Ганс Новак.

Затем она слышит грохот копыт и видит всадников – страшные, искаженные гневом лица за остроконечными забралами. Их клинки по рукоять в крови, а в глазах – волчья ярость. Деревушка за башней охвачена адским пламенем. И эти всадники появились здесь, чтобы не пощадить никого.

А вот и он. Ученый. Математик. Магистр. Тот, кого она, как ей кажется, знала всю свою жизнь. Он прыжками спускается с самой вершины башни, и кожаный плащ развеивается у него за спиной.

– Демоны! – кричит он всадникам. – Я знаю, зачем вы здесь! Я вам не сдамся!

Из складок плаща он выхватывает меч Химмельклинге – Небесный Клинок, как он его называет. Последний прыжок – и вот его сапоги уже на снегу, а вокруг него всадники – восемь на одного.

Звон мечей разносится под сверкающим искрами небом. Магистр не просто ученый; он еще и фехтовальщик, владеющий древним искусством боя. При мысли об этом она улыбается. Фехтовальщик... Вот он выбивает из седла одного из всадников, затем летят наземь и второй, и третий. Но врагов разит не только Небесный Клинок – но еще и дуэльный кинжал, чье волнистое лезвие вонзается в щели меж их доспехов. Движения магистра быстры и точны – недаром его учили лучшие мастера Болоньи. Но силы его не бесконечны. Два всадника опутывают мальчишку веревками, валят наземь – деревянные ведра вылетают у того из рук и раскалываются от удара, вода разливается.

Прекращает блистать волнистый кинжал, затихает Небесный Клинок.

– Стойте! – склоняя голову, говорит человек в плаще. – Отпустите мальчика. Освободите его, и я покорюсь Гранд-Мастеру...

Автомобильный гудок прорезал ночную мглу и вернул ее в настоящее. Она повернула голову, убирая за ухо выбившуюся прядь. Если бы те, кто ждал в лимузине, имели возможность лучше рассмотреть ее, они заметили бы на ее шее, сразу под ухом, тонкий вертикальный шрам в три дюйма длиной. Скрывать его она не пыталась. Этот шрам – в самых разных смыслах – был знаком того, что она смогла выжить.

Но люди в машине не смели взглянуть на нее. Лишь один из них – бледный, сутулый, с огромной головой на тщедушном тельце – выбрался с заднего сиденья и, кутаясь в тонкое пальто, торопливо засеменил в ее сторону.

– Они нашли его! – выпалил он, подбежав, утер проступившую в уголке рта слюну и, захлебываясь словами, продолжил. – Они нашли главу пятерых. Они нашли его...

– Где?

– В Берлине! Как вы и подозревали!

Она бросила на башню еще один долгий взгляд.

Глаза ее – один голубой, другой серебристо-серый. Гетерохромия – случайная мутация, дар и проклятие. Не это ли делает ее взор таким гипнотическим?

Она откинула волосы назад, за воротник, направилась к машине, скользнула на заднее сиденье и поймала в зеркале заднего вида взгляд безымянного водителя.

– В аэропорт, – велела она. – Мы летим в Берлин.

– Слушаюсь, мисс Краузе, – кивнул водитель. Имя у него, конечно, было, только она не считала нужным запоминать его. – Уже едем, мисс Краузе.

– Галина, дорогая, – заговорил бледный мужчина, усаживаясь с ней рядом, – когда мы будем в Берлине...

– Тихо! – оборвала она. Бледный умолк на полувдохе, опустив взгляд на рубиновый кулон, блестевший меж лацканов ее пальто: морское чудовище из красного драгоценного камня.

Кракен¹.

Взревел мотор, и Галина Краузе в последний раз посмотрела на черный силуэт башни на фоне звездного неба.

Воображаемые языки пламени взметнулись выше и запылали ярче, как и всякий раз, когда она вспоминала ту далекую ночь.

– Итак, – шепнула она себе, – все начинается.

* * *

Почти в два часа ночи в той части немецкой столицы, что когда-то называлась Восточным Берлином, на бульваре Унтер-ден-Линден практически бесшумно, подобно огромной черной пантере, остановился автомобиль.

Водитель заглушил двигатель.

Долгие десятилетия улицу Унтер-ден-Линден, что по-немецки означает «под липами», пересекала надвое печально известная Берлинская стена. Теперь, когда Холодная война окончилась, а Берлинская стена пала, огромный бульвар вновь стал единым целым, в нем опять бурлила жизнь. На третьем этаже дома, под которым остановился лимузин, тускло светилось единственное окно. На мгновение в нем промелькнуло изможденное лицо старика, а внизу мчались автомобили, ревела публика в музыкальных клубах, торопливо шагали заполонившие бульвар пешеходы. Их ночь была в самом разгаре.

Все казалось обычным – таким же, как и всегда.

Но только казалось.

Генрих Фогель, ушедший на пенсию профессор астрономии Берлинского университета имени Гумбольдта, отошел от окна – он был очень взволнован.

Неужели величайшая тайна раскрыта?

Что теперь будет? С человечеством, со всем миром?

Старик подбросил дров в камин. Занялось красноватое пламя. Профессор опустился в кресло перед монитором и принялся иступленно печатать. Остановился. Заметил среди семи газет на столе перед собой парижскую вечерку «Монд». Сердце Фогеля сжалось. Вот уже два часа кряду он ждал звонка от старого друга Бернара Дюфора. Звонок всегда раздавался, как только в сети появлялся очередной зашифрованный кроссворд. Так происходило каждый второй понедельник месяца вот уже семнадцать лет. «R.I.P.» – привычная латинская аббревиатура, означающая «покойся с миром», – пряталась в каждом кроссворде. Но оценить весь сарказм этой шутки мог лишь тот, кто знал, на пересечении каких клеток искать: 48 по вертикали и по горизонтали.

Сегодня звонок так и не раздался. Кроссворд не появился.

Все, что оставалось предположить, – тщательно выстроенная и отлаженная система их связи рухнула. В их узком круге пробита брешь.

Профессор кликнул мышкой по кнопке «Отправить». Неужели его друг из газеты «Монд» покинул свой пост? Или хуже того: Дюфор *не покинул* пост – он погиб, защищая их общую тайну?

– В любом случае из Берлина пора убираться, – заключил профессор, вставая и оглядывая комнату. – Бежать и надеяться, что мой американский друг поймет мое послание... и вспомнит былые времена.

¹ Кракен (др. швед.) – мифическое морское чудовище, гигантский головоногий моллюск, известный по описаниям исландских моряков.

Он посмотрел на часы. Почти два ночи. С Техасом семь часов разницы, там только что закончился рабочий день. Его друг прочтет сообщение завтра утром в конторе. Именно там будут все ключи. Только бы Роальд сумел увидеть их – и применить как нужно.

– Я до последнего не хотел тебя впутывать в это, сынок... Но теперь выбора нет. И Вейд еще совсем мальчик. За него я боюсь еще больше. Ответственность слишком ужасна...

Фогель снял трубку телефона, набрал номер и, переждав длинные гудки, произнес всего три слова:

– Карло, жди гостей.

Положил трубку. И набранный номер, и каждое из произнесенных им слов были зашифрованы. А потому смысл сказанного понимали только те, кому эта фраза предназначалась. Все же технологии – великая вещь.

В пятый раз за последние пять минут профессор похлопал себя по нагрудному карману, нащупал билет на поезд. Затем взял ноутбук, бросил на пол и несколько раз подпрыгнул на нем, пока тот не раскололся на куски. Старик извлек жесткий диск, согнул его чуть ли не пополам и швырнул в камин.

– Что еще?

Его взгляд упал на пресс-папье в виде морской звезды на столе. Дешевый пляжный сувенир. Морская звезда, на латыни – *Asterias*, запаянная в стекло.

Asterias. Именно так он когда-то давным-давно назвал свою группу студентов, пятерку избранных. Теперь все кончено. Он погладил незамысловатый сувенир, взял со стола фотографию в рамке, снятую двадцать лет назад – он сам, три юноши и две девушки стоят под голубой неоновой вывеской кафе. Все улыбаются. Преподаватель и студенты. *Asterias*.

– Теперь все зависит от тебя, мой друг, – прошептал Фогель, вглядываясь в одно из лиц. – Лишь бы ты согласился принять этот бой...

На улице, прямо под окном, вдруг раздался резкий хлопок. Сердце Фогеля сжалось от ужаса. Заскрипела дверь подъезда, и на лестнице послышались чьи-то шаги.

– Нет-нет! Не может быть. Слишком быстро...

Едва он успел швырнуть снимок в огонь, как распахнулась дверь. В квартиру ворвались трое амбалов в темных костюмах. Вслед за ними вошли сутулый тип в очках с тонкой металлической оправой и юная девица, по возрасту вполне годившаяся в студентки.

– Кто вы такие? – выкрикнул Фогель, хватая со стола стеклянное пресс-папье.

Он слишком хорошо знал, кто это. Враги рода человеческого.

Один из головорезов толкнул его. Старик упал на колени, затем повалился на пол.

– Убийцы! Воры! – кричал он, пока двое других головорезов хозяйничали в комнате, переворачивая все вверх дном. Девица оставалась у входа: спокойная и неподвижная, будто змея, свернувшаяся в клубок. Что-то в ее внешности настораживало. Да, красавица. Вылитый ангел.

Но вот глаза...

Неужели это *она*? *Та самая*?

Бандиты сбрасывали книги со стеллажей. Переворачивали столы. Вспарывали его кресла, кровать и подушки. Крушили бесценную коллекцию музыкальных инструментов, как никчемные детские погремушки...

– Вандалы! – кричал старик. – Вы ничего не найдете!

Сутулый тип в очках, висевших на кончике его носа, точно вторая пара глаз, склонился над Фогелем.

– Связой в Париже тебя сдал, – зарычал заморыш профессору в лицо. – Ключ к Реликвиям у тебя. Отдай его нам.

По стариковским жилам Фогеля хлынул адреналин. Он стиснул пресс-папье с морской звездой и со всей силы ударил им очкарика в висок.

– Вот тебе ключ! Получай!

Заморыш схватился за рассеченный висок.

– Что ты со мной сделал, старый дурак?!

– Добавил тебе красоты, – парировал Фогель.

Один из амбалов опустился на колени, положил ручищу ему на горло. А затем ухмыльнулся и стиснул пальцы.

– Твой последний вздох, старик, – взвизгнул заморыш.

– Не последний, – прохрипел профессор с холодной усмешкой.

Девушка перевела взгляд от Фогеля на пылающий камин.

– Он успел сообщить! Там что-то горит. Достаньте, быстро!

Бледный очкарик, не рассуждая, тут же сунул руку в огонь – и, заорав от боли, выбросил на пол оплавленный жесткий диск. Фотография уже превратилась в пепел.

– Выясните, с кем он связался, – ледяным тоном велела девушка. – Мне нужно знать. Здесь ключа нет и не было. Кончайте с ним. Тело бросьте на улице. И чтоб без улик...

Задыхающийся Фогель бился в конвульсиях на полу. Он попытался схватиться за ножку пюпитра, но тот опрокинулся. Профессору лишь удалось нащупать на полу и стиснуть в пальцах старенький серебряный духовой камертон.

Разноцветные глаза Галины Краузе – голубой и серебристо-серый – наблюдали, как старика покидает жизнь.

– Давай, Фогель, – сказала она. – Спой нам свою лебединую песню...

Глава третья

Остин, Техас

9 марта 8:03

Вейд Каплан и его сводный брат Даррел Эванс по очереди дергали дверную ручку обсерватории Техасского университета. Но открыть ее не могли.

– Вот поэтому отец и дал тебе ключ, – сказал Вейд.

– А я дал его тебе.

– Нет, не давал.

– Давал, я помню, – не сдавался Даррел.

– Когда это?

– Раньше.

– Раньше чего??

– Раньше, чем ты его потерял.

Вейд недовольно буркнул себе под нос:

– Я ключа не терял. Я *не мог* его потерять. Потому что своими глазами видел, как отец дал его тебе. В кабинете. Когда попрощался с нами и повез Сару в аэропорт.

– Сару? Это ты о той Саре, которую я называю мамой?

– Она не против того, чтоб я звал ее Сарой, – сказал Вейд. – Не съезжай с темы. Где ключ? Вспоминай. Папа достал его из ящика, дал тебе. Ну? Ничего не включилось в мозгу?

Даррел похлопал себя по карманам.

– Ничего не включилось. Ключа нет, как не было.

– Ты, наверно, оставил его на столе.

Отодвинув Даррела в сторону, Вейд начал спускаться обратно по узкой железной лестнице в кабинетик отца на третьем этаже Пейнтер-Холла.

Отцом Вейда – и отчимом Даррела – был доктор Роальд Каплан, профессор астрофизики Техасского университета в Остине. Вот уже восемьдесят лет в здании Пейнтер-Холла на территории университета располагалась обсерватория, в которой стоял один из самых больших телескопов в мире, все еще управляемый не электроникой, а сложной механикой из рычагов и шкивов.

Вейд вздохнул.

– Даррел, ты просто обязан увидеть телескоп. Поверить не могу, что за три года ты ни разу здесь не был. Это же полный стимпанк – все эти лебедки, шестеренки, рычаги и противовесы!

По лицу брата пробежала тень интереса. И он ответил в своей обычной манере – выворачивая слова наизнанку:

– Обожаю панк, когда он «стимный».

Через два дня начинались весенние каникулы, и мальчиков ждала целая неделя отдыха от школы. Для Вейда это означало девять дней безотрывного чтения книг по астрономии и девять ночей наблюдения за звездами в обсерватории университета. А вот его сводный брат наверняка впадет в спячку с перерывами на еду.

Или станет врубать свой «стратокастер» на полную мощь и терзать гитарными записями все живое в округе.

Уже несколько месяцев Даррел пытался создать свою музыкальную группу, но ему не везло. Как считал Вейд, по двум причинам. Во-первых, Даррел хотел назвать группу «*Simpletones*» – якобы с претензией на иронию, которую никто не считывал². А во-вторых, он хотел играть исключительно «сёрф-панк», который Вейду казался совсем отстойным.

Они подошли к кабинету отца. Вейд попытался повернуть ручку двери, но та не поддавалась. Тоже запросто.

– Ну, что за приколы? Папа вернется из аэропорта только через полчаса. А я *должен* показать тебе телескоп! Интересно, где охранник? Он бы нас впустил...

– Стой. Кажется, я прихватил с собой план здания, – сообщил Даррел, ныряя рукой в карман джинсов. – Охрана, небось, еще спит. На часах еще и девяти нет! Что говорит мне только о том, что я хочу жрать. Как думаешь, папа отпустит нас обедать пораньше? Сколько мы вообще тут про... Ох!

– Что «ох»?

Даррел выудил из кармана старый медный ключ.

– Мы же это искали?

– Я так и знал! – рявкнул Вейд. – Идем!

– А что, перекусить у нас нечего?

Вейд хохотнул:

– Извини, брат...

Пока они поднимались обратно к обсерватории, Даррел что-то бубнил себе под нос, затем выдал горлом соло на гитаре. Вейда это порадовало. Именно так братец вел себя, когда бывал более-менее счастлив: мечтал о еде и изображал «стратакастер».

Через пару минут ребята открыли дверь обсерватории, вошли в огромное помещение, и волна прошлого накрыла их с головой.

Даррел присвистнул:

– Ты был прав, реальный стимпанк!

Прямо в центре под огромным медным куполом громоздился знаменитый телескоп Пейнтер-Холла. В 1933 году труба длиной более трех метров была установлена на бетонной платформе и тщательно сбалансирована при помощи огромного противовеса, за счет которого телескоп легко наводился на нужный объект. Вейд сообщил, что линза у этого телескопа всего лишь двадцать два сантиметра в диаметре, тогда как у телескопа в обсерватории Макдональд – аж десять метров! Но Вейд все равно обожал этот исторический инструмент. Он любил само это место, где так тесно переплелись наука и история. Было в этих линзах, махо-

² Игра слов: «*Simpletones*» – простые звуки, «*Simpletons*» – придурки (англ.).

виках и механизмах нечто завораживающее, из-за чего сами исследования казались гораздо, как бы сказать... *человечнее?*

Привязанность к старому телескопу Вейд испытывал давно. Он влюбился в него в тот миг, когда отец впервые привел его в Пейнтер-Холл. Именно здесь он научился отыскивать и определять созвездия и планеты. Здесь зачитывался древней мифологией, из которой пришли их названия. Здесь привык ценить то крошечное место, которое сам занимал в бескрайнем пространстве Вселенной.

Там, где математика сливается с магией.

– Неплохо, а?

– Очень даже... – Даррел вспрыгнул на платформу. – Кабели, рычаги, тросы. Часовой механизм! Техника будущего механической эры. Мне нравится! И что за фокусы он вытворяет?

– Днем он на многое не способен, но мы вернемся вечером, чтобы увидеть настоящие звезды. Только не трогай ничего, пока я не найду инструкцию. Ты еще оценишь, как он поворачивается от одного касания!

Вейд примостился у столика возле двери. Здесь отец писал историю телескопа, проводил исследования.

– Вот увидишь, Марс будет перед носом как на тарелочке!

– Да мне бы еду на тарелочке... У тебя ничего пожевать не появилось?

– С последнего раза, когда ты меня спрашивал? Нет. А ты проверь карманы: я смотрю, у тебя там много интересного.

– Еды я в карманах не ношу... Упс! – Даррел вытащил из кармана небольшой предмет. – Жвачка считается едой?

– Если ее глотать.

– Я всегда глотаю.

С Даррелом и своей приемной матерью Сарой Вейд познакомился три года назад. А до этого целую вечность надеялся, что его родители помирятся и снова будут жить вместе. К его ужасу, мириться они так и не собрались, и Вейду было крайне трудно свыкнуться с мыслью, что прошлое – это прошлое. Но с мамой, переехавшей в Калифорнию, он виделся часто, и постепенно начал понимать, что человек постоянно меняется и привыкает к самым разным формам жизни. Тем более что новые семьи обоих его родителей жили теперь вполне счастливо.

– Поверить не могу. Мама целую неделю будет пропадать в джунглях Южной Африки! – сказал Даррел, стоя на платформе. – Вернее, не пропадать, а искать какого-то безумного писателя.

– Ну да, неделя без связи, без электричества, без ничего.

– И с насекомыми. Там же стада всяких гнусов. А потом полетит в Нью-Йорк, из Нью-Йорка в Лондон. Лягушка-путешественница.

– Сара классная...

– Да. Моя мама – классная.

Как ни крути, для Вейда Даррел был лучшим подарком от второго брака отца. Едва они успели познакомиться, как Вейд понял – вот брат, о котором он всегда мечтал. Оба прекрасно дополняли друг друга, оставаясь при этом разными, как небо и земля.

У Даррела были короткие темные волосы, оливкового цвета кожа и выразительные карие глаза, унаследованные от отца-азиата. А долговязому Вейду достались светлые волосы и светлая кожа. Даррел дорос до 166 сантиметров и сочинял на гитаре странные, всегда очень громкие вещи, которые оказывались либо гениальными, либо просто оглушающими. Вейд был на семь сантиметров выше и владел айподом, под завязку набитым музыкой Баха, потому что Бах не оглушал, потому что Бах – самый математически выверенный из всех

композиторов, а еще потому, что к Баху его приучила мама. У Даррела был разряд по теннису среди юниоров. А у Вейда – кроссовки, какие носят обладатели таких разрядов. Даррел ладил абсолютно со всеми. А Вейд – больше с Даррелом, чем с самим собой. Наконец, улыбка не сходила с губ Даррела даже во сне, а на Вейда то и дело накатывала тревога пополам с неврозом.

И вот именно теперь его вдруг снова охватило смутное беспокойство.

Шаря по столу в поисках инструкции к телескопу, он случайно зацепил мышку отцовского компьютера. Монитор мигнул, компьютер ожил, и на экране появилось сообщение электронной почты. Мальчик невольно прочитал имя отправителя.

«Генрих Фогель».

– Дядя Генри? – удивленно шепнул он.

– Еще утром меня звали Даррел, – услышал он с платформы телескопа. – За три года мог бы и запомнить имя сводного брата.

– Да ну тебя! Папе пришло письмо от моего дяди Генри. То есть, он мне не настоящий дядя. Папа учился у него в Германии. Последний раз я его видел в семь лет.

Даррел соскочил с платформы и через плечо Вейда уставился на монитор.

– Нельзя читать чужие письма, – нравоучительно выпалил он. – И что же там написано?

Вейд, конечно, не собирался читать, но глаза его сами побежали по строчкам:

Lca guygas eamizub zb.

Bluysna luynaedab odxx sio wands.

Juilatl lca Hyndblaub xanytq.

Rdse lca loaxma uaxdtb.

Qiz yua lca xybl.

Даррел нахмурился.

– Разве папа знает немецкий? Или это русский?

– Ни тот и ни другой. Это какой-то шифр.

– Шифр? Да ладно! Наш папа – шпион? Ну конечно, шпион! Он никогда мне не говорил, но шпионам и нельзя о таком болтать... Я так и знал! Он специально отрастил бороду, чтобы никто не видел его настоящего лица.

– Даррел, успокойся.

– Двойной агент, точняк! Они самые крутые. Сейчас все шпионы – двойные агенты. Нет! Еще круче! Тройной агент! А тройной агент – это значит...

Скрипнула дверь.

– Вот вы где!

Не успел отец переступить порог, как Вейд уже отскочил от монитора.

– Мы ничего не делали! – поспешно сказал он.

В школе Роальд Каплан отлично бегал кросс, в колледже показывал лучший результат на длинных дистанциях, да и теперь иногда участвовал в марафонах, поэтому сохранил подтянутую фигуру. Высокий, с коротко подстриженной темной бородкой и в солнечных очках, отец выглядел настоящим красавчиком.

– Сара летит в Боливию, все в порядке, – сообщил он. – Спасибо, что никуда не сбежали и помогли нам собрать ее в последнюю минуту... А вы чем похвастаетесь?

– Я жвачку в кармане нашел, – не растерялся Даррел.

– А я... нет, – тихо сказал Вейд.

Даррел прочистил горло и заговорил:

– Странное поведение Вейда означает, что он волнуется. Ничего нового, конечно, в этом нет, но он нашел кое-что странное на твоём компе...

Вейд показал на монитор.